

Андрей Дашков

Презумпция виновности

Весна. Прекрасная погода. Температура примерно плюс двадцать. Бронепоезд «Ти-Рекс» медленно катит по однопутной ветке вдоль берега. Легкий ветерок дует со стороны гор, и пахнет не так погано, как обычно. А обычно пахнет клоакой. Правда, клоака огромная. Кажется, раньше она называлась Каспийское море. Сейчас это просто невероятная лужа отходов, дерьма и нефти. Вообще-то я ничего не имею против нефти — мы перегоняем из нее бензин. Но она убила этот мир...

(Припоминаю, что лишь однажды нас обстреляли с моря. Метрах в трехстах от берега дрейфовал какой-то катер с двумя орудиями и несколькими придурками на борту. Судя по «Веселому Роджеру», болтавшемся на мачте, парни решили поиграть в пиратов. Это точно были не компы — у компов с юмором туговато. А так повеселились все, особенно наши канониры. Самое смешное началось, когда катер разломился пополам и пошел ко дну. Горе-пираты стали тонуть, захлебываясь в вязком черном дерьме. Мы наслаждались зрелищем, пока все не кончилось.

То был уникальный случай; больше ничего подобного не повторялось, а жаль. Настоящая

угроза исходит не от бродячих банд.)

Паровоз прицеплен сзади, чтоб не дымил в нос. У Мозгляка послеобеденная расслабуха. На крыше вагона устроен бар под навесом, поставлены столик, диван и несколько кресел с порезанной кожаной обивкой, но зато мягких, больших и удобных. В гостях у босса растаман, которого мы подобрали пару дней назад и спасли от компов. Он сообщил, что зовут его Тош.

Растаман был курьером и тащил мешок анаши из самой Чуйской долины. Герой-одиночка. Теперь он вряд ли доберется до цели, но Мозгляк еще не успел его огорчить. Тош пребывает в приятных иллюзиях относительно своего будущего. Он скручивает папироски со шмалью и угощает; босс изредка затягивается.

Я на разливе. Периодически наполняю три глиняные кружки самогоном из трехлитровой бутылки. Выпито уже изрядно, и растаман горячится. От волнения он трясет своими многочисленными засаленными косичками, похожими на жирных узловатых змей. И орет:

— Клянусь, видел челнок своими глазами! Чтоб мне больше ни одного косяка не забить, если вру! Стоит в ангаре — исправный, с залитыми баками, полностью снаряженный. Тебя дожидается. Охраны почти нет. Рядом с десятков фраеров яйцеголовых ошиваются — для предполетной

подготовки. Да парочка компов на КПП. Их всех за минуту передавить можно. Степь кругом — на сотню километров. Они на вертолеты рассчитывают. Но с твоей-то кодлой и вооружением прорвемся — раз плюнуть!..

Мозгляк смежил тяжелые веки и слушает. Иногда позевывает, вежливо прикрывая пасть пухлой ручкой. Манеры! Босс у меня породистый. И не поймешь, верит он растаману или тот ему для развлечения нужен. Вместо телеящика. Живой клоун — всегда интереснее...

— Да пойми ты! — мечет слюну растаман, и Мозгляк брезгливо оттопыривает губу. — Всего за пару месяцев дотарахтим — на твоей-то телеге! Такой шанс раз в жизни бывает! В челнок сядем — и тю-тю! Прощай, Зона!

— Куда? — лениво спрашивает Мозгляк с видом полнейшего равнодушия. Но этот вид может быть обманчив. Вполне вероятно, что в гениальной башке босса уже завертелись варианты. Во всяком случае, информацию он принял к сведению и уже никогда не забудет.

— Что — куда? — не понимает растаман.

— Куда «тю-тю», спрашиваю?

Тош аж подскакивает в кресле:

— Как — куда?! Да куда угодно! Лишь бы подальше от этой гребаной помойки! Из Зоны смоемся, догоняешь? Разве этого мало?!

Мозгляк смотрит на него, приоткрыв один глаз. Взгляд саркастический, прямо-таки убийственный. Но курьер слишком увлечен перспективой, открывшейся его воображению, а игре воображения поспособствовала шмаль.

Признаться, я тоже под впечатлением. Побег? Еще недавно я не смел о таком и помыслить. Ручаюсь, что все наши парни будут не против. Мнение баб и Гыдла — не в счет. Тем более что речь-то идет всего о каком-нибудь десятке яйцеголовых и парочке компов! Вертолеты? А на хрена тогда бронепоезд? На «Ти-Рексе» и зенитные пушки с боекомплектom припасены. Спасибо Мозгляку — его идея!

Да, чем больше я об этом думал, тем сильнее возбуждался. наших хлебом не корми — дай только яйцеголового вниз яйцом подвесить! Да спросить потом: чем ты думал, ублюдок, когда разное дерьмо изобретал?...

— Ладно, — милостиво бросает Мозгляк, которого Тош, очевидно, утомил своим чрезмерным энтузиазмом. — Я подумаю.

— Шо тут думать?! — Растаман не угомонился, и мне пришлось напомнить ему, кто тут босс.

Встаю, подхожу, бью под дых. Беру за шиворот, опускаю в люк. Внизу Пашка Свинец принимает тело. Вся операция по эвакуации

неудобного объекта с глаз долой занимает не больше десяти секунд. Мозгляк снова может наслаждаться пейзажем.

Едем дальше. Колесики усыпляюще монотонно постукивают на стыках. У босса продолжается сиеста. Тревожить, стало быть, не рекомендуется. Он развалился на диване и докуривает папиросу. Глубоко затягивается. Такая голова нуждается в стимуляторах...

Я пытаюсь расслабиться. Не получается. Чертов растаман душу разбередил, покоя лишил. И чувствую, что надолго. Только подумать: челнок! Это же надо! Исправный, залитый топливом. Стоит, ждет тех, у кого хватит духу рискнуть. Нас, значит. Упорхнем из проклятой Зоны — напрямик в рай! На небеса... Дух захватывает!

Мозгляк спросил: «Куда?» А вот лично у меня подобных вопросов не возникает. Тут я с растаманом согласен. Куда угодно, лишь бы вырваться из этой клоаки! Прочь! Подальше! И навеки!!!

...Наливаю себе полную кружку. Выпиваю залпом — с горя. Пока пьяненький, кажется, что вот-вот взбунтуюсь, если Мозгляк откажется на этот, как его... Байконур двигать. Зарежу толстозадого, или подушкой задушу, или с поезда сброшу — и повернем мы с парнями «Ти-Рекс» в другую сторону...

Нет, погорячился. Вспомнил, что никого я прикончить не смогу (кроме компа, конечно, — но они ж и не живые!). Метка Каина не позволит. Да и сам себе не позволю — прежде всего. Хватит с меня Зону топтать. Нахлебался по горло. На свободу хочу. На Байконур.

Мозгляк, кажется, уже дремлет. А меня так и подмывает расспросить, что он там надумал. Знаю точно: он все сразу решил. С его извилинами долго соображать не требуется. «Многофакторный анализ» — вот как он это называет...

— Босс, а, босс?

— Ну, чего тебе?

— Он тут вроде насчет челнока болтал... — говорю я с деланным безразличием, как бы от скуки. — Может, правда?

Сколько лет Мозгляка знаю — пора понять, что этого стервеца не проведешь. Он ухмыляется, но так, что у меня, поддатого, мороз по коже.

— Успокойся, сынок! Слюни подбери. Никакого челнока нет и в помине.

— Но если все-таки правда?

— Значит, тем более нельзя нам туда соваться. Ловушка это, наверняка. Понимаешь? Судейские приготовили для таких олухов, как ты, например. Не удивлюсь, если они и растамана подослали...

— А может, они челнок для себя держат? — пробормотал я, чувствуя себя так, словно небо

падает и вот-вот всех нас раздавит. — На случай, если смываться придется?...

— О, Господи! — вздыхает Мозгляк с видом святоши, перепутавшего монастырь с публичным домом. — Избавь нас от лукавого!.. Мы куда едем, сынок? — продолжает он почти ласково.

— Вроде в Москву...

— Не «вроде», а в Москву. И зачем же мы туда пробираемся, деточка? Зачем невзгоды преодолеваем, с компами сражаемся? Зачем все это?

— Чтоб отвоевать у неверных Гроб Господень! — сказал я с дуговым пафосом.

— Вот. Наконец-то. Так на хрена мне твой челнок нужен? Я людишек полезным делом занял, можно сказать, душеспасительным, цель перед ними поставил, глаза слепцам приоткрыл — и ты думаешь, я допущу, чтобы какое-то немытое чмо своей болтовней всю мою Доктрину Спасения разрушило?!

Теперь настала моя очередь спрашивать ему в тон:

— А на хрена отвоевывать Гроб Господень?

— Во искупление вины.

— Перед кем? — спросил я, прикинувшись дураком. Иногда у меня это настолько хорошо получается, что я думаю: а стоит ли прикидываться? Во всяком случае, на этот раз даже

Мозгляк поверил. Он так и сказал:

— Перед Господом, дурак!

— В чем же это я провинился перед Господом?!

— Да хотя бы в том, что ты родился, болван! Держу пари: Он ничего *такого* не предполагал. Что-то там у Него вышло из-под контроля. Имеет место незапланированная случка духа и материи. В результате появляются на свет подобные убудки. Побочные продукты эволюции.

— И ты тоже. — Я позволил себе небольшое уточнение.

— И я тоже, — согласился Мозгляк, демонстрируя широту взглядов и отсутствие мелкого тщеславия. Что касается крупного — еще неизвестно!

— А Судейские? — спросил я. — Как у них насчет вины?

Мозгляк одарил меня заинтересованным взглядом.

— Хороший вопрос, черт подери! — воскликнул он потом. — Пожалуй, произведу тебя в полковники! Хотя нет — для полковника ты задаешь слишком много вопросов... Итак, вина Судейских. О, это тема для целой дискуссии! Меня самого давно интересует: где отбывают наказание Судьи?

От такого кощунства у меня на миг потемнело

в глазах. А потом ничего, посветлело опять. Все стало как и прежде. Небо не обрушилось, СВЧ-молнии не испепелили Мозгляка и не поджарили его чудесные мозги. Оказывается, кощунствовать можно — и даже приятно. Чувствуешь себя человеком!

— Откуда я знаю? Может, где-нибудь по ту сторону хребта! — Я ткнул пальцем в синеющий на горизонте изломанный силуэт горной гряды.

— Нет, братец, — еще ласковее сказал Мозгляк. — Потому что в этом случае каждый мог бы встретиться с ними. Если сильно постараться, конечно, — а тут уж многие «обиженные» постарались бы как пить дать! И потерял бы ты всякое уважение к Высокому Суду. Какой же он, на хер, Судья или, скажем, Судебный Исполнитель, если он с тобой срок в одной Зоне мотал?! В общем, полагаю, что у них другая Зона. Почище и покрасивее. Но зато и намного опаснее! Совсем другая...

— Где же она, эта «другая» Зона, находится?

На лице у Мозгляка появилось чуть ли не мечтательное выражение, словно он воспарил в такие эмпиреи, куда не столь утонченным личностям путь заказан. Потом снизошел и сказал:

— А я, по-твоему, откуда знаю, дурак? Знал бы — так меня бы здесь уже не было!.. Может, на другой планете. Или в другом измерении. А может,

они вообще призраки...

Я покосился на него с подозрением. Шутит или нет? Черт его разберет! Наверное, разыгрывает...

— Какие еще призраки? — спросил я осторожно.

— Разные. Например, тот, который внутри тебя живет. Совестью прикидывается. Или с этим ты уже разделался?... Ты, случаем, раздвоением личности не страдаешь?

— Вроде нет.

— Жаль. Если б страдал, тогда бы в тебе точно призрак сидел — ну тот, другой, понимаешь? Впрочем, на самом деле их много...

— Не понимаю, — буркнул я. — И понимать такого дерьма не желаю. Ты не забыл, что я из...

— Да знаю! — небрежно махнул рукой Мозгляк. — Цельная личность. Дитя эпохи Возрождения. Тебе бы только мечом махать, сонеты сочинять, с драконами сражаться да девок раком ставить. Счастливый примитив. Избранник судьбы. Материя затрахала дух — и под каблук его, гада, к ногтю! Удачный мезальянс, бесконфликтный.

На «примитива» я не обиделся. На «мезальянс» тоже. В конце концов, Мозгляк прав. Люблю я, чтоб все было просто. Белое — это белое, но если черное, то уж, пожалуйста, беспросветно!

— А какие они еще бывают? — спрашиваю.

— Ты о чем?

— О призраках.

— А-а... Зацепило все-таки, да? Ну, скажем, призрак любимой мамочки, тень ненавистного папочки... Ты случайно в детстве мамашку к папашке не ревновал? Это я так, к слову. Не обращай внимания... А не бывало, чтоб папочка являлся к тебе с назиданиями? Во сне или еще как-нибудь? Знаешь, всякая муть типа «сынок, никогда не спорь с женщинами!»...

— Не помню, — честно признался я. И вообще — Мозгляк в роли личного врача начал мне надоедать. Диагноз мне до него поставили — в той самой «другой» Зоне. Поставили и печать шлепнули — несмываемую и неподдельную. Так что Мозгляк тянул в лучшем случае на ночную сиделку — чтобы утешительные сказки неизлечимо больным паралитикам втюхивать. Или, лучше сказать, на санитаря — экскременты из-под нас, примитивов, выгребать и судно выносить. Вот так все переворачивается в жизни: вроде ты наверху и всеми командуешь — и вдруг оказывается, что сам по уши в дерьме. Причем как в чужом, так и в собственном...

— Вернемся к нашим баранам, — напомнил Мозгляк (вот скажет человек такое — и сразу ясно, кого он имеет в виду. Нет, хорошо все-таки, что я

не обидчивый! Кроме того, по принятой у нас классификации я не «баран» — меня еще СВЧ-излучателем не «опустили»). — Кто Судейских сажает? И за какие преступления?

Ну и вопросыки! Захотелось послать босса подальше, пока я тут не наговорил на еще один пожизненный срок...

Но в этот самый момент крупнокалиберная пуля разнесла стоявшую на столике бутылку с самогоном.

— Компы!!! — заорало Гыдло с передней платформы, которую Мозгляк называл «минным тралом» и регулярно выставлял на ней пулеметный пост — Гыдла не жалко!

И я, ни секунды не раздумывая, закрыл Мозгляка своим телом.

* * *

Считается, что перед смертью надо расставить все по местам, но времени на это, конечно, никогда и никому не хватает.

Мне проще: из своей прошлой жизни я обычно вспоминаю только самый ее конец. Много уже подернуто мраком и непроницаемо, как черная вода в омуте. Сунешь руку — и, может быть, наткнешься на что-нибудь стоящее. Вытащишь на свет, но много ли от этого радости? Однако всегда

есть вероятность остаться и вовсе без руки — ее отхватит тварь, живущая в глубине...

В общем, я предпочитаю не рисковать; память — штука опасная.

Так вот, за пару дней до *той* смерти я увидел вызов в Суд, прибитый к воротам моего замка. Не какая-нибудь дешевая голограмма или, на худой конец, пластиковая карта, нет — кусок пергамента с надписью, сделанной чернилами от руки, и лиловой печатью. И был он проткнут самым настоящим железным гвоздем! Аж мороз прошел по коже...

Впрочем, факт вызова не стал для меня неожиданностью. Я готовился быть ответчиком с тех пор, как начал хоть что-нибудь соображать и отец рассказал мне о Приговоре. «Жди, — предупредил он меня. — Жди в любой день, в любую ночь». И больше к этому разговору мы не возвращались.

Я ждал. И не питал иллюзий относительно времени, которое оставалось в моем распоряжении. Особенно после того, как за отцом явился Судейский Посол. Вот этого парня я запомнил прекрасно — он поразил воображение впечатлительного тринадцатилетнего юнца, каким я тогда был. Тощий, бледный, закутанный в черный плащ и обутый в сапоги с квадратными носами, Посол казался мне злодеем с холодной желчью вместо крови. Его голову венчала широкополая

шляпа с эмблемой Суда. На тонком носу как приклеенные сидели очки с овальными мутными стеклами и золотой оправой. Правый рукав был перевязан полоской красной ткани. Это означало, что Судейский допущен к «работе» с самыми трудными экземплярами, включая одержимых бесами, а «одержимость» уже тогда ни в коей мере не являлась смягчающим обстоятельством. У Посла были руки художника — с тонкими, длинными, заостренными пальцами; на вид — изнеженные и слабые; очень белые, наводившие на мысль о каком-то извращенном сладострастии... На восковом лице не было ни малейших признаков растительности.

Бледная жилистая кляча прекрасно дополняла общее впечатление. В моем незрелом представлении Посол был кем-то вроде слизняка, бледной немочи, которая выползла из какого-то склепа и обладает непонятной властью над живыми, сильными, загорелыми и отважными людьми... Отец — дуэлянт, бабник, лихой рубака, прошедший три войны, не боявшийся, как я думал, никого и ничего по *эту* сторону жизни, — покорно вышел вслед за ним, опустив голову и не сказав ни слова. Только горько улыбнулся напоследок и потрепал меня по щеке. Воющую мать он не удостоил даже прощального взгляда...

Спустя двадцать семь лет Посол явился и за

мной. Наверное, память сыграла злую шутку; во всяком случае, мне показалось, что это был тот же бледный тощий очкарик, не постаревший ни на один день. И визит его клячи к живодеру тоже, как видно, откладывался на двадцать семь лет...

Некому было выть, провожая меня в последний путь. Я жил в одиночестве и не имел ни детей, ни друзей. А слуги — это всего лишь слуги. Они сожалели только о том, чего не успели украсть. Я не сожалел вообще ни о чем. И оставил душеприказчику завешание, согласно которому старый родовой замок должен быть разрушен в течение месяца после моего ухода.

* * *

В аду оказалось совсем неплохо. В перерывах между войнами и пытками я развлекался со знойными местными шлюхами — если, конечно, успевала нарасти содранная кожа. Потом ее сдирали заново — и все начиналось сначала. Для разнообразия я играл в покер на отрезанные пальцы, напивался по-черному в барах, где подавали «Пузырчатую Мэри» (кипящая смола поверх водки), сам испробовал ремесло палача и экзекутора, но так и не успел войти во вкус...

А потом настало время возвращаться.

Видать, вышел новый срок.

Меня сняли прямо с дыбы, и я предстал перед Заседателями. Процедура носила формальный характер и прошла быстро; они не привыкли тянуть кота за хвост — ведь за мною стояла очередь примерно в миллион голов. Ее конец терялся где-то в самой глубокой заднице Преисподней...

«Виновен!» — гласил приговор. (Ну а кто бы сомневался?)

Мне заломили руки, содрали кусок кожи с головы. Взлетел раскаленный судейский молоток — и опустился, выжигая Метку Каина на моем черепе.

По-быстрому прилепили заплату. Получилось неплохо, почти незаметно — вот только теперь на этом месте растут седые волосы. По такому пятнышку я узнаю себе подобных. Их больше, чем вы можете себе вообразить...

«Гони его по этапу!» — сказала скучным и бесцветным голосом канцелярская крыса.

И спустя пятьсот лет я снова очутился на этой дурацкой маленькой планетке под названием Зона.

* * *

На этот раз мне дали тридцать три года. Говорят, повезло. Я встречал таких, которые получили на всю катушку — полный срок, до выработки ресурса. Что-то около восьмидесяти. Им

не позавидуешь: износ, старческая немощь, маразм — хорошо еще, если не делают под себя. Почти овощи на грядке. Легкая добыча, но мучаются до конца. Как ни странно, старперы обычно отбивают за всякую мелочь вроде воровства или мошенничества.

Под конец очередной отсидки я встретил Жасмин. Вот уж действительно: печальный цветочек моей скоротечной любви... Она мотает тридцатник за аборт. Убийство в утробе. Ох, грехи наши тяжкие!.. Теперь Жасмин трахается, как кошка, но не может забеременеть. Хочет ребенка, несмотря ни на что. Знает наверняка, что придется преодолевать невыносимые страдания и сильнейшие искушения. Обстоятельства непременно сложатся таким образом, что аборт будет просто необходим (скажем ей *пообещают*, что ребенок, зачатый по пьяному делу, почти наверняка окажется дефективным; или хотя бы ради того, чтобы выжить самой). Но Жасмин настроена твердо. Аборт?! Ни за что на свете! Она клянется, пробуждаясь после своих кошмарных снов, что больше никогда не сделает такой глупости!

Конечно, не сделает. Ведь Судейские дочиста выскоблили ее матку!

Но она все равно надеется...

Вот этого я не понимаю. Лично я ни в чем не раскаиваюсь. По-моему, раскаяться — значит,

предать собственную сущность, изменить самому себе, стать тем же бараном, только без постороннего вмешательства. Невзирая на некоторые разногласия по этому пункту, мы прекрасно ладим друг с другом. Особенно в положении лежа...

Кстати, чтобы закрыть тему: даже если случится чудо и Жасмин забеременеет, она действительно не сделает аборт — лишь бы доказать Судейским свою «невиновность». Уверен, что именно поэтому ей не дают даже мизерного шанса. Это приговор, не подлежащий пересмотру. Помилование невозможно. Жасмин придется смириться с тем, что «ошибки молодости» непростительны и непоправимы. Ей уже не «залететь» — хоть в сперме купайся!..

Но бог с нею, с Жасмин! Поговорим о компах. У меня нет иллюзий — они правят этим миром. И даже среди Судейских Послов теперь все чаще попадаются компаы. Наказывают они при помощи жесткого излучения. Короткий узконаправленный импульс — и ты превращаешься в ходячий кусок относительно свежего мяса. Правда, с протухшими мозгами. По здешней классификации — «баран». Баранов немного, потому что выживаемость у них почти нулевая, но иногда они мешают, оказываясь в неудобное время в ненужном месте. Такая вот злая баранья судьба...

Слева по борту, на расстоянии нескольких сотен метров от полотна, тянулись какие-то развалины. Оттуда нас и обстреливали компы. Ну, это несерьезно. Пародия на засаду. Просто проверяют бдительность, не дают расслабиться — чтоб нам жизнь малиной не казалась...

Дюша, который был в тот день за машиниста, поддал пару, и «Ти-Рекс» начал ускоряться. Я скатился с Мозгляка и показал на открытый люк, находившийся в десяти шагах от дивана. Босс кивнул, и мы поползли. Прямо через лужу разлившегося самогона. Пахло одурительно, однако надо было следить, чтоб не загнать себе стекляшку в яйца.

Мозгляка я пропустил вперед. Его толстая задница неуклюже вихлялась. Выглядело это довольно смешно, но я не смеялся. Сам Мозгляк был спокоен и даже улыбался, оглядываясь. Я не заметил на его физиономии ни единой капельки пота. По-моему, он обожал приключения ради приключений. А я был сыт ими по горло.

Тем не менее я сопровождал драгоценные мозги, каждую секунду готовый снова заслонить босса от пуль и осколков. Даже когда он подмигнул мне и запищал песенку «Наш паровоз вперед летит...», я подавил раздражение и острое желание

заехать ему в рожу, чтоб заткнулся.

Не все наши парни понимают, какое Мозгляк сокровище, но я точно знаю: без него мы не протянем и месяца. Если не компы, так сами друг друга перебьем. Он собрал нас в банду, сумел объединить придурков, у которых не было ничего общего, кроме дремучих инстинктов — жрать, трахать, убивать. По крайней мере на какое-то время он дал смысл и цель нашим жалким жизням. Под его руководством мы слепили из всякого дерьма бронепоезд. Три месяца вкалывали как проклятые (а почему, собственно, «как»?!), в заброшенном депо. Отремонтировали паровоз, обшили уцелевшие вагоны металлическими листами в несколько слоев, установили пушки и пулеметы в поворотных башнях и загрузили платформы мешками с песком («На случай диверсии», — изрек гениальный и предусмотрительный Мозгляк). Еще два «восьмиосника», прицепленных сзади, были доверху набиты рельсами, шпалами и различным инструментом — так что при необходимости мы вполне могли восстановить поврежденный путь, для чего босс создал специальную команду из самых здоровых и тупых. Работать кувалдами и кайлами им пришлось всего лишь дважды, но Мозгляк уверял меня, что дальше будет хуже. Гораздо хуже...

В общем, получился ублюдочный монстр, однако пока едет и от компов неплохо защищает. Название своему детищу Мозгляк лично придумал. До сих пор не знаю, что оно означает, — надо будет поинтересоваться как-нибудь... На переднем вагоне намалевана гигантская морда какой-то жуткой рептилии с распахнутой пастью. Фактор устрашения — сами понимаете, чей это термин.

Меня босс сделал своим адъютантом. Но я догадываюсь, что на самом деле Судейские просто решили преподать мне небольшой урок и я приставлен к Мозгляку в качестве холуя, чтобы смирил гордыню — ведь я был в прошлой жизни чертовым аристократом!

Итак, теперь я всего лишь адъютант. А может, даже придворный шут — Мозгляк такой умный, что хрен разберешь. Иногда мне кажется, что все мы от природы шуты гороховые. Каждый кривляется, чтобы уцелеть и получше устроиться. На Суде — само собой, святое дело. Изображаешь покорность и умудренность. Но знаю точно: ничему этап не учит, абсолютно ничему! Каждый раз начинаешь с нуля, тянешь ту же лямку, совершаешь те же преступления, точно так же калечишь ноги судьбе — и остаток жизни хромаешь или ковыляешь на костылях. Правда, кое-кто умудряется раздобыть инвалидную коляску...

Но я отвлекся. Наконец мы добрались до

люка. Наше «сокровище» нырнуло (вернее, протиснулось) в прямоугольное отверстие, потряхивая жирными щеками и пытаясь от физических упражнений, а я двинул к бойнице, сделанной в бронированном ограждении. Исполнять свой долг. Это у меня в крови. Это — не обсуждается. (Когда-то Мозгляк рассказывал мне о далекой и уже исчезнувшей стране Дзипангу, которая была расположена на восточных островах, о странных тамошних обычаях и людях. В особенности мне нравились легенды, где упоминались сегуны, самураи и мечи. Я был очарован их изящной жестокостью. «В тебе есть что-то от самурая, сынок», — смеясь, говорил босс и хлопал меня по плечу. Он был прав. Я выбирал себе хозяина лишь один раз в жизни.)

Тем временем наши парни понемногу приходили в себя и начали тархтеть своими огнестрельными погремушками. Но как-то нестройно. Расслабились, черти! Я уже представлял, как будет орать Мозгляк, когда начнется «разбор полетов». Босс чрезвычайно заботился о боеготовности. Наверное, всерьез надеялся добраться до этой долбаной Москвы! Но сперва надо было отбиться от компов...

Пулемет, за которым лежало Гыдло, стучал почти непрерывно. Гыдлу только дай ствол — мало никому не покажется! Потом наконец громыхнули